

Дононбаева Г.Д.

ПРИНЦИПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ «НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ»

Политическая институционализация национальных государств имела различные черты своего проявления. Одна из них выразилась в том, что превращение национальных государств в ведущего «актора» мировой политики способствовало переходу от спонтанно-хаотического «броуново движения» к более или менее организованному и управляемому международным отношениям. Объективно-логическим следствием такого преобразования оказывается уже сам процесс *институционализации международных отношений*.

В системе международных отношений действует так называемый «закон силы», согласно которому по мере достижения государством экономической и военной мощи, равновеликой мощи других ведущих держав, оно неизбежно начинает требовать либо уравнивания себя с ними по статусу в рамках существующего миропорядка, либо изменения самого этого порядка. В связи с этим интерес представляет любопытное рассуждение О.Шпенглера, о том, что господство Древнего Рима над значительной частью Ойкумены основывалось не только на избытке силы, но и на слабости сопротивления у побежденных народов, отказывающихся от самоопределения.

Можно ли вообще говорить о том, что в мире имеется какой-то «порядок»? Ведь на международной арене нет монополии на власть, и наличие большого количества самостоятельных государств, действующих исключительно в собственных интересах, заставляет говорить скорее о международной «анархии». И все-таки в реальной действительности свобода действий субъектов международного права не приводит к международной анархии: исходя из собственных интересов, государства налагают определенные ограничения на свою внешнеполитическую деятельность. Вот эти-то упорядоченные международные отношения, проявляющие себя в рамках определенного набора *ограничений*, что делает их относительно стабильными и предсказуемыми, и называют обычно системой международных отношений.

Устойчивый миропорядок появился не сразу: он стал возможным лишь на определенной стадии развития цивилизации. Не случайно первая в истории человечества прочная и устойчивая система международных отношений – так называемый «европейский концерт» – сложилась лишь в начале XIX в., т.е. после образования мирового рынка и наполеоновских

войн, покончивших с партикуляризмом и феодальной замкнутостью в странах Западной и Центральной Европы. Просуществовав вплоть до середины XX в., «европейский концерт», бывший своего рода кондоминиумом великих европейских держав, прекратил свое существование, сменившись новой международной системой – биполярной. Биполярный миропорядок рухнул и на смену ему идет новый мировой порядок. (Батюк.В. Россия и новый миропорядок.

В концептуальной основе Вестфальской системы международных отношений лежала идея еще в древности изложенная античным историком Фукидидом, согласно которой движение международной жизни обуславливается неизменными и объективными законами политического поведения людей, преследующих свои интересы и выгоды. Жить, иметь, владеть – вот руководящие жизненные инстинкты человеческой природы. Жить – это прежде всего сохранять себя, укреплять безопасность своего существования. Человек, подчеркивал Фукидид, подвергает себя опасности смерти в войнах только затем, чтобы избежать смерти, обеспечить свое благополучие. В государство люди объединяются в надежде сохранить свою безопасность и достичь каких-то выгод. И н т е р е с движет человеческими побуждениями.

Новоевропейские мыслители – Н.Макиавелли, Г.Гроций, Т.Гоббс, Ж.Боден и другие, – развивали эту идею столь основательно, что в последующем на этой теоретической почве выросла целая разветвленная система политической мысли, доминировавшая в течение нескольких веков. С этой точки зрения «узловой нерв» поведения государств на международной арене – это «**национальный интерес**», определенный в терминах власти и влияния – связывает существование законов земного миропорядка не с религиозными постулатами универсального «небесного мироустройства», а с потребностями людей в безопасности, процветании и развитии. Эти жизненные потребности и должно защищать государство в своей внешнеполитической деятельности. Национальный интерес становится ключевым фактором институционального поведения государств в международной среде.

Например, выдвинутая Макиавелли «натуралистическая» концепция исторического развития более не нуждалась в гипотезе бога. В противоположность средневековому постулату б о ж е с т в е н н о г о объяснения причин

исторического процесса, новоевропейская мысль выдвигает идею естественного происхождения и развития общественных явлений. Политические процессы и события, а также изменения в государстве, смена его исторических форм, происходят за пределами и воли бога. И поскольку бог мыслился как сверхъестественное нравственное существо, гарант морального совершенства и справедливости, направляющий ход человеческих дел, постольку его отсутствие в корне меняло саму логическую основу объяснения исторических событий, институциональную суть международных сцеплений. Если бог не управляет действиями людей и государств, то, видимо, есть другая высшая институциональная организующая и направляющая сила, которая движет всем этим процессом. Это – национальный интерес.

Во-первых, в феодально-сословной иерархии средневековья политическая система «подданничества» формировала систему духовных качеств людей, в которой интересы зависимых заглушались и приносились в жертву интересам вышестоящих. Процесс «присвоения воли» приводил к тому, что интересы подчиненных, разумеется, никуда не исчезающие, как бы теряли свой актуальный характер, уходили в нишу потенциального состояния. Актуально интересами зависимого вассала становились интересы сюзерена. В этой связи, пространство сталкивающихся и борющихся между собой интересов людей было не столь обширным. В новоевропейских условиях, когда гражданское равенство и свобода становятся реальностью для множества людей, конфликтное пространство противостоящих интересов неизмеримо расширяется, приобретает напряженно драматический характер, что грозит распадом общественной целостности. Парадокс в том, что институционализация интересов порождает пространство хаоса.

Во-вторых, в средневековом сознании доминировало представление, согласно которому побеждает тот, на чьей стороне бог. За кого бог, тот и победитель. Новоевропейская реальность показывала совсем иную картину. Побеждает тот, на чьей стороне сила. Получалось так, что если уж по старой традиции уповать на бога, то бог на стороне сильного. Иначе говоря, картина реальности стала совершенно другой. Естественно, сильными оказывались не раздробленные политические образования, вроде Италии и Германии, а консолидированные национальные государства, такие как Англия и Франция. Агрессивность усилившихся национальных государств направлялась в первую очередь против слабых соседей. Силой принцип определяет поведение новоевропейских государств на

международной арене. Национальный интерес и силовой принцип с тех пор становятся реальной основой институционализации международных отношений.

В этих условиях военно-политическая мощь «наций-государств» имела решающее значение. Недаром Макиавелли был убежден, что первым успеха достигает то из государств, которое опередит других в деле собственной военной мощи. Начинаясь с XVI в. восхождение звезды Франции на общеевропейской прежде всего было связано с национальным объединением ранее разрозненных земель и многократно возросшей военной силой страны. «Французы ослеплены своим могуществом, - с горечью отмечал Макиавелли в своем письме от 27 авг. 1500 г., рассматривая причины вторжения Франции в Италию, - и считаются лишь с теми, кто обладает оружием или готов давать деньги»¹. Непосредственно соприкасаясь с этим пока еще юным, но уже «ослепленным» своим могуществом, «национальным Левиафаном», Макиавелли, конечно же, озабочен прежде всего тем, каким образом можно было бы отвлечь его агрессивные намерения, направленные против его отчизны - Италии?! Он понимал, что Франция, устремленная к захвату итальянских земель, не боится ни бога, ни черта. Здесь возможно было удержать силу агрессора только силой оружия. Лишь объединившись, Италия могла выковать такое сильное оружие.

Проверить, кто сильнее, оказывалось возможным лишь в военных столкновениях. Как всегда в войнах были победители и побежденные. Формула Фукидида: «Сильные делают все, что им позволяет делать их власть; слабые соглашаются на все, что им подсказывает их слабость» – по-прежнему определяла международную конфигурацию на европейской арене. В этой связи справедливым является утверждение, в свое время высказанное К.Марксом, что начиная с мыслителей Нового времени сила изображалась как основа права. Силовой принцип представал как сердцевина правового сознания национальных государств на международной арене. Причем сила постепенно стала трактоваться не только как военно-политическая мощь державы, способная сокрушить врага на полях сражений, но гораздо шире, как власть, авторитет в мировых делах, возможность влиять на ход международных событий и т.д.

И все же, несмотря на отмеченные жесткие реалии, в новых исторических условиях утверждающейся Вестфальской системы миро-

¹ Цит. по: Виллари П. Макиавелли и его время. – СПб., 1914. – С. 279.

устройства принцип суверенитета государств вносил значительные коррективы в международную практику европейских стран. Международные отношения подвергаются процессу *институционализации*, т.е. вводятся в определенное организованное русло. Конечно, он не устранял силовую доминанту в международных отношениях, но существенно ограничивал пределы ее проявления. Войны велись так же, как и прежде. Но теперь уже на полях сражений сталкивались не разрозненные средневековые рыцарские ополчения, а сплоченные, регулярные национальные армии. Причем битвы между противоборствующими сторонами носили еще более ожесточенный и массовый характер.

Данное обстоятельство породило такую ситуацию, когда между наиболее могущественными европейскими государствами спонтанно формируется многополярный баланс сил, поскольку оказалось невозможным ни для одного из них покорить, т.е. «поглотить» все другие. Разумеется, появлялись сверхмощные державы, претендующие на гегемонию. И через каждые несколько десятилетий какая-либо одна держава пыталась поглотить остальные. Но всякий раз получала отпор и терпела поражение от противостоящей ей коалиции объединившихся государств. Поглощение – это всеобъемлющая институциональная норма, согласно которой складывается система мироустройства древнего и средневекового мира.

Как и в природе, действие одной силы вызывает противодействие другой, в международной сфере против слишком усилившегося государства объединялась группа других государств, заинтересованных в его ослаблении. В конце концов европейские национальные государства были вынуждены перейти к новой стратегии взаимодействия на международной арене. Если возникает группа государств, примерно равных по силе, то их взаимодействие на международной арене направляется двумя способами: либо одно из государств окажется до такой степени сильным, что сумеет обеспечить свое господство над другими и создать единую империю, либо ни одно из них не обладает достаточной силой для достижения подобной цели. Во втором случае претензии наиболее агрессивного и сильного члена международного сообщества будут сдерживаться объединенными усилиями всех остальных членов. Складывается обстановка зыбкого равновесия, когда ни одно государство без ущерба для себя не может претендовать на имперское господство. Государства в этих условиях вынуждены приспосабливаться друг к другу и искать приемлемую форму общения. «С о с у щ е с т -

в о в а т ь» - этот способ общения постепенно превращается в норматив международного взаимодействия. Именно в таком контексте начинает функционировать принцип «б а л а н с а сил» или «р а в н о в е с и я сил». Этот принцип в течение долгих столетий становится *институциональной основой* сложившегося в Европе и других континентах миропорядка.

Следует особо подчеркнуть роль данной трансформации в исторических судьбах народов Европы и остального мира. Именно действие данного фактора привело к существенным переменам во взглядах европейских народов на принципы мироустройства. Общепризнанным стал довод, что поставив на колени побежденного, победитель не имеет права совершенно уничтожить его, стереть с лица земли. Побежденное государство имеет право на существование. Это было начало зарождения философии международного «с о с у щ е с т в о в а н и я» государств. Древняя и средневековая концепция «п о г л о щ е н и я» всех других государственных образований и земель, во имя создания единой универсальной «сакрализованной державы», уступает свое место идее «суверенности» сосуществующих рядом государств. Политическая культура «поглощения» как самосознание международного сообщества постепенно сменяется политической культурой «сосуществования» конфликтующих и воюющих друг с другом государств.

Конечно, как и раньше, в изменившихся новоевропейских условиях считалось, что применять военную силу, защищая государственные интересы, есть совершенно необходимое условие обеспечения безопасности страны. Поэтому войны казались неизбежными. Формирующаяся система «баланса сил» не предполагала предотвращения международных кризисов и военных конфликтов. Она лишь сужала до определенных масштабов военные действия и господство одних государств над другими. Ее целью было не достижение постоянного мира, а обеспечение стабильности и умеренности, не позволяющей ниспровергнуть существующий международный порядок и ввести мир в состояние хаоса. Вестфальская система мироустройства предстает той *институциональной средой*, в рамках которой отныне происходит функционирование международных отношений.

Наряду с этим во второй половине эпохи Нового времени, в связи с растущим влиянием «наций-государств» на международные события, в европейской общественно-политической мысли начинает более четко «кристаллизоваться» содержательная характеристика национального интереса. Естественно вставал вопрос о том, в

какой мере интересы национальных государств в их внешнеполитическом преломлении отличаются от интересов феодальных держав? Есть ли здесь принципиальное различие? Каким образом интересы национальных государств соотносятся с утверждающимся в международном сообществе принципом «баланса сил»? В какой складывающейся международной ситуации «баланс сил» становится выражением национальных интересов? Но вначале отправной точкой анализа мыслителей все же оказывается философски-обобщенная сущность первичного понятия «интерес». В эпоху европейского Просвещения интерес является предметом внимания как философии и истории, так социологии и политологии.

В XIX-XX вв., особенно в связи с потрясениями до основания «матушку-Европу» наполеоновскими, а затем первой и второй мировыми войнами, внимание уделяемое политической наукой раскрытию специфической сути национального интереса, значительно возросло. В течение двух столетий с некоторыми временными перерывами в научных кругах не спал накал страстей по поводу обсуждений и дискуссий данной проблемы. Ученые пытались прежде всего найти ответ на вопрос: каков смысл понятия «национальный интерес»? Имеет ли это понятие объективное содержание, независимое от той или иной международно-политической ориентации государства? Каково соотношение категорий «национального», «государственного» «гражданского» интереса? Какую роль в формировании интереса страны играют социально-экономический, культурный, конфессиональный и геополитический факторы международной жизни? Изменяется ли значение категории «национальный интерес» с течением времени и в каком международном контексте? Насколько адекватна оценка политики различных типов государств (империи, федерации «нации-государства» и т.п.) с точки зрения «национального интереса»? Вопросов возникало больше, чем давалось ответов.

В попытках найти адекватные ответы на эти непростые вопросы развивались различные течения политической мысли. Американская школа *политического неореализма*, представленная после второй мировой войны такими видными теоретиками, как Э.Х.Карр и Г.Моргентау, исходила из тезиса о первенстве национальных интересов, определяемых в терминах власти, которая, в свою очередь, трактовалась как способность к установлению и поддержанию контроля человека над человеком, государства над государством, нации над нацией. Эта политическая традиция, берущая свои истоки от Фукидида и Макиавелли, ныне на рубеже XX-

XXI вв. в своем модернизированном виде предстает в качестве ряда незыблемых постулатов:

во-первых, представление о системе международных отношений как прежде всего об отношениях между такими институтами, как государства, а не их отдельными представителями, международными или транснациональными организациями и группами;

во-вторых, понимание институциональной среды международных отношений как по существу анархической, регулируемой лишь на основе применения силы или угрозы применения силы;

в-третьих, отстаивание приоритета национальной безопасности по отношению ко всем прочим национальным и государственным интересам;

в-четвертых, ожидание того, что любое государство стремится к максимизации своей власти и влияния на основе извлечения максимума выгоды из объективных и ситуативных преимуществ, которыми оно обладает по сравнению с другими государствами;

в-пятых, понимание, что установившаяся система международных отношений налагает структурные ограничения на свободу действий отдельных государств и как бы предписывает им роли, отказаться от которых они могут лишь ценой неординарных усилий, захватывающих все слои нации («национальная мобилизация», разворачиваемая, например, на фоне успешных реформ в экономике, революционного обновления элит или политического режима, мощного прорыва в науке и технике и т.д.)²

Таким образом, в этой концепции *институционализация* международных отношений в соответствии с принципом «баланса сил», направлена на поддержание такой системы мироустройства, в которой доминирующая роль принадлежит супердержаве или группе ведущих держав. Политический неореализм, по-прежнему, так же как в свое время Макиавелли и Гоббс, видит международные отношения своеобразной проекцией силовой политики. Сильные державы (а лучше одна супердержава), следуя своим национальным интересам определяют (определяет) конфигурацию складывающегося миропорядка.

² См.: Rourke J. International Politics on the World Stage. – Monterey.- 1986. -Р. 26-27; Национальный и государственный интерес в современной мировой политике.// Политические исследования. – 2000. - № 1. – С. 13-14.

Разумеется, реалисты в своих оценках не отрицают новые факты, появившиеся в ходе *глобализации* международных отношений. Они признают, что государство постепенно оттесняется транснациональными корпорациями, которые превращаются в самостоятельных “игроков” на международной арене. Особенно это касается экономической сферы, в частности, торговли и кредита³. Политические и экономические интересы глобализируются на всех уровнях жизни мирового сообщества. Национальное государство явно ощущает его возрастающее давление. В этом контексте национальная безопасность – узловой нерв системы национально-государственных интересов – уже не связана напрямую, как раньше, исключительно с войной и миром, обороной и армией. В современных межгосударственных конфликтах возрастает удельный вес экономических факторов, таких как проблемы долгов, инвестиций, торговли, иностранной помощи и т.д. Политическая и экономическая составляющие национальных интересов государств в глобализирующемся мире все больше переплетаются. Более того, национальные интересы теперь уже трудно представить в образе автономно и изолированно функционирующей системы. Самодостаточность институтов национального государства проверяется не столько уровнем политического, сколько экономического суверенитета. Также, не вызывает сомнения, что “политическая борьба сегодня происходит на арене, соотносимой со всем миром”⁴, при расширяющемся круге новых игроков и использованием инновационных технологий в достижении поставленных целей.

Однако современные политические реалисты вопрошают: “При всем том, претерпели ли изменения сами цели политической борьбы на международной арене? Произошла ли коренная перемена самой сути взаимодействия национальных государств в нынешнем мире?” Отвечая, они подчеркивают, что сейчас, как и в прошлом, борьба ведется за овладение *богатством и властью*, которых по-прежнему не хватает на всех. Исходя из этой фундаментальной посылки, политические неореалисты считают глубочайшим просчетом действия М.Горбачева и других “архитекторов перестройки” в СССР. В

результате “перестройки” Советский Союз был сначала ослаблен, а затем и разрушен. Биполярное же противостояние по оси Запад-Восток, как наследие “холодной войны”, сохранилось, а “империя зла”⁵ трансформировалась в постсоветскую Россию. Политические деятели, игнорирующие *властный аспект национального интереса*, способны навлечь непоправимую беду на свою страну. При этом реалии мировой политики остаются неизменными. Речь идет не только о военно-политической мощи, но гораздо шире, авторитете, влиянии, оказываемом государством на мировые события и дела.

Конечно, в условиях глобализации возрастает роль такой нормы, как *сотрудничество* государств. Но поскольку стержневым принципом деятельности государств на международной арене остается “преследование” национального интереса и сохранение суверенитета, постольку в исторической перспективе международное сообщество будет продолжать жить согласно такой норме, как *сосуществование*.

Доминирующая ныне в западном мире концепция *политического неолиберализма*, в отличие от концепции *политического неореализма*, придает первенствующее значение не национально-государственному интересу, а интересам индивидуума, выводит на передний край *не права коллективной общности (государства, нации, этноса и т.д.)*, а *права человека*. Главным в иерархии прав человека неолиберализм считает *свободу*. С такой позиции господствовавшая ранее государственно-центристская модель мира уходит в прошлое, заменяется новой, основанной на идее о том, что “коллективное благо международного сообщества должно в конечном счете пониматься не как коллективное благо государств, но как благо их членов, [всего лишь] посредуемое национальной и международной организациями”⁶. Неолиберализм склонен к следующему ряду постулатов:

во-первых, считать, что капитализм одержал всемирную и окончательную победу;

во-вторых, глобальный капитализм в тенденции устремлен к созданию мирового общества и мирового правительства;

в-третьих, глобальная «капитализация» международного сообщества тиражирует западные модели рыночной экономики, представительной демократии, равенства прав всех граждан перед законом, частной собственности;

³ См.: Strange S. States, Firms and Diplomacy. – International Political Economy: Perspective on Global Power and Wealth. – N.-Y. – 1994. – p.61-68.

⁴ Luard E. The Globalization of Politics: The Changed Focus of Political Action in the Modern World. Basingstoke. – 1990. – P.169.

⁵ Определение, данное бывшим президентом США Р.Рейганом, Советскому Союзу.

⁶ Charvet J. The Place of Nationality Principle in the Contractarian Perspective on International Society. – Morality and International Relations. – 1996. – P. 34.

в-четвертых, глобальный капитализм устанавливает всеобщий «демократический мир» («демократии не воюют друг с другом»)

в-пятых, национальные интересы государств должны проявляться прежде всего и главным образом в обеспечении демократического переустройства общества, достижении прав человека и свободной деятельности людей;

Под воздействием стремительно растущих информационных потоков и глобально узнаваемых символов разрушается устойчивая идентификация с нацией и государством. Повсеместно наблюдающийся в последние годы рост национализма, утверждающего «осязаемые» этнокультурные ценности, есть один из ответов на вызовы культурного глобализма. Вызовы глобализации

испытывают сегодня и страны СНГ, в частности, Кыргызстан, где только что начался процесс формирования национально-государственной модели общества. Специфика положения Кыргызстана и в целом СНГ заключается в том, что в настоящее время перед этими обществами стоят модернизационные задачи, решение которых традиционно связано с укреплением национального государства.

Восприняв ценность этнонациональной идентичности в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, страны СНГ разрываются между потребностью модернизации и необходимостью адаптации к глобальным тенденциям мирового развития.

Рецензент: д.полит.н., профессор Жоробеков Ж.Ж.
